

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

БЕССЕМЕНОВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, 58 лет, зажиточный мещанин, старшина малярного цеха.

АКУЛИНА ИВАНОВНА, жена его, 52 года.

ПЕТР, бывший студент, 26 лет

ТАТЬЯНА, школьная учительница, 28 лет } его дети.

НИЛ, воспитанник Бессеменова, машинист, 27 лет.

ПЕРЧИХИН, дальний родственник Бессеменова, торговец певчими птицами, 50 лет.

ПОЛЯ, его дочь, швейка, работает в семьях поденно, 21 год.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА КРИВЦОВА, вдова смотрителя тюрьмы, живет на квартире у Бессеменовых, 24 года.

ТЕТЕРЕВ, певчий

ШИШКИН, студент } нахлебники у Бессеменовых.

ЦВЕТАЕВА, учительница, подруга Татьяны, 25 лет.

СТЕПАНИДА, кухарка.

БАБА с улицы.

МАЛЬЧИШКА, маляр.

ДОКТОР.

Место действия — маленький провинциальный город.

Обстановка

Комната в зажиточном мещанском доме. Ее правый угол отрезан двумя глухими переборками; они выступают в комнату прямым углом и, стесняя задний план ее, образуют на переднем еще маленькую комнату, отделенную от большой деревянной аркой. В арке протянута проволока, на ней висит пестрый занавес. В задней стене большой комнаты — дверь в сени и другую половину дома, где помещается кухня и комнаты нахлебников. Слева от двери — огромный, тяжелый шкаф для посуды, в углу сундук, справа — старинные часы в футляре. Большой, как луна, маятник медленно качается за стеклом, и, когда в комнате тихо, слышится его бездушное — да, так! да, так! В левой стене — две двери: одна в комнату стариков, другая — к Петру. Между дверями печь, облицованная белыми изразцами. У печи — старый диван, обитый клеенкой, пред ним — большой стол, на котором обедают, пьют чай. Дешевые венские стулья с тошнотворной правильностью стоят у стен. Слева же у самого края сцены — стеклянная горка, в ней — разноцветные коробочки, пасхальные яйца, пара бронзовых подсвечников, ложки чайные и столовые, несколько штук серебряных стаканчиков, стопок. В комнате за аркой, у стены против зрителя — пианино, этажерка с нотами, в углу кадка с филодендроном. В правой стене — два окна, на подоконниках — цветы, у окон — кушетка, около нее — у передней стены — маленький стол.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер, около пяти часов. В окна смотрит осенний сумрак.

В большой комнате — почти темно. Татьяна, полулежа на кушетке, читает книгу, Поля у стола — шьет.

Татьяна (*читает*). «Взошла луна. И было странно видеть, что от нее, такой маленькой и грустной, на землю так много льется серебристо-голубого, ласкового света»... (*Бросает книгу на колени себе.*) Темно.

Поля. Зажечь лампу?

Татьяна. Не надо! Я устала читать...

Поля. Как это хорошо написано! Просто так... и грустно... за душу берет... (*Пауза.*) Ужасно хочется знать — какой конец? поженятся они — иль нет?

Татьяна (*с досадой*). Не в этом дело...

Поля. А я бы такого не полюбила... нет!

Татьяна. Почему?

Поля. Скучный он... И все жалуется... Неуверенный потому что... Мужчина должен знать, что ему нужно делать в жизни...

Татьяна (*негромко*). А... Нил — знает?

Поля (*уверенно*). Он знает!

Татьяна. Что же?

Поля. Я... не могу вам это рассказать... так просто, как он говорит... Но только — дурным людям... злым и жадным — плохо будет от него! Не любит он их...

Татьяна. Кто — дурен? И кто — хорош?

Поля. Он знает!.. (*Татьяна молчит, не глядя на Полю. Поля, улыбаясь, берет книгу с ее колен.*) Хорошо это написано! Она очень уж привлекательная... такая прямая, про-

стая, душевная! Вот как видишь женщину-то, в милом образе описанную, так и сама себе лучше кажешься...

ТАТЬЯНА. Какая наивная... смешная ты, Поля! А меня — раздражает вся эта история! Не было такой девушки! И усадьбы, и реки, и луны — ничего такого не было! Все это выдуманно. И всегда в книгах описывают жизнь не такой, какая она на самом деле... у нас, у тебя, например...

Поля. Пишут про интересное. А в нашей жизни — какой интерес?

ТАТЬЯНА (*не слушая, с раздраженьем*). Мне часто кажется, что книги пишут люди... которые не любят меня и... всегда спорят со мной. Как будто они говорят мне: это лучше, чем ты думаешь, а вот это — хуже...

Поля. А я думаю, что все писатели непременно хорошие... Посмотрела бы я на писателя!..

ТАТЬЯНА (*как бы сама с собою*). Дурное и тяжелое они изображают не так, как я его вижу... а как-то особенно... более крупно... в трагическом тоне. А хорошее — они выдумывают. Никто не объясняется в любви так, как об этом пишу! И жизнь совсем не трагична... она течет тихо, однообразно... как большая мутная река. А когда смотришь, как течет река, то глаза устают, делается скучно... голова тупеет, и даже не хочется подумать — зачем река течет?

Поля (*задумчиво глядя пред собой*). Нет, я бы посмотрела на писателя! Вы читали, а я нет-нет да и подумаю — какой он? Молодой? старый? брюнет?..

ТАТЬЯНА. Кто?

Поля. Вот этот писатель...

ТАТЬЯНА. Он умер...

Поля. Ах... жалко как! Давно? Молодой?

ТАТЬЯНА. Средних лет. Он пил водку...

Поля. Бедненький... (*Пауза.*) И почему это — умные люди пьянствуют? Вот этот, нахлебник ваш, певчий... он ведь умный, а — пьет... почему это?

ТАТЬЯНА. Жить скучно...

ПЕТР (*заспанный, выходит из своей комнаты*). Экая тьма! Кто это сидит?

Поля. Я... и Татьяна Васильевна...

ПЕТР. Что ж вы огонь не зажжете?

Поля. Мы сумерничаем...

ПЕТР. В мою комнату от стариков запах деревянного масла проходит... Должно быть, от этого во сне я видел, будто плыву по какой-то реке, а вода в ней густая, как деготь... Плыть тяжело... и я не знаю — куда надо плыть... и не вижу берега. Попадаются мне какие-то обломки, но когда я хватаюсь за них — они рассыпаются в прах... гнилые, трухлявые. Ерунда... (*Насвистывая, шагает по комнате.*) Пора бы чай пить...

Поля (*зажигая лампу*). Пойду, похлопочу... (*Уходит.*)

ПЕТР. По вечерам у нас в доме как-то особенно... тесно и угрюмо. Все эти допотопные вещи как бы вырастают, stannoются еще крупнее, тяжелее... и, вытесняя воздух, — мешают дышать. (*Стучит рукой в шкаф.*) Вот этот чулан восемнадцать лет стоит на одном месте... восемнадцать лет... Говорят — жизнь быстро двигается вперед... а вот шкафа этого она никуда не подвинула ни на вершок... Маленький я не раз разбивал себе лоб о его твердыню... и теперь он почему-то мешает мне. Дурацкая штука... Не шкаф, а какой-то символ... черт бы его взял!

ТАТЬЯНА. Какой ты скучный, Петр... Тебе вредно жить так...

ПЕТР. Как это?

ТАТЬЯНА. Ты нигде не бываешь... только наверху у Лены... каждый вечер. И это очень беспокоит стариков... (*Петр, не отвечая, ходит и свищет.*) Знаешь — я стала сильно уставать... В школе меня утомляет шум и беспорядок... здесь — тишина и порядок. Хотя у нас стало веселее с той поры, как переехала Лена. Да-а, я очень устаю! А до праздников еще далеко... Ноябрь... Декабрь. (*Часы бьют шесть раз.*)

БЕССЕМЕНОВ (*высовывая голову из двери своей комнаты*). Засвистали козаченьки! Прощение-то, поди-ка, опять не написал?

ПЕТР. Написал, написал...

БЕССЕМЕНОВ. Насилу-то удосужился... эхе-хе! (*Скрывается.*)

ТАТЬЯНА. Какое это прошение?

ПЕТР. О взыскании с купца Сизова 17 р. 50 к. за окраску крыши на сарае...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*выходит с лампой*). А на дворе-то опять дождик пошел. (*Подходит к шкафу, достает из него посуду и накрывает на стол*.) Холодно у нас чего-то. Топили, а холодно. Старый дом-то... продувает... охо-хо! А отец-то, ребятишки, опять сердитый... поясницу, говорит, ломит у него. Тоже старый... а все неудачи да непорядки... расходы большие... забота.

ТАТЬЯНА (*брату*). Ты вчера у Лены сидел?..

ПЕТР. Да...

ТАТЬЯНА. Весело было?

ПЕТР. Как всегда... пили чай, пели... спорили...

ТАТЬЯНА. Кто с кем?

ПЕТР. Я с Нилом и Шишкиным.

ТАТЬЯНА. По обыкновению...

ПЕТР. Да. Нил восторгался процессом жизни... ужасно он раздражает меня... проповедью бодрости, любви к жизни... Смешно! Слушая его, начинаешь представлять себе эту никому не известную жизнь... чем-то вроде американской тетушки, которая вот-вот явится и осыплет тебя разными благами... А Шишкин проповедовал пользу молока и вред табака... да уличал меня в буржуазном образе мыслей.

ТАТЬЯНА. Все одно и то же...

ПЕТР. Да, по обыкновению...

ТАТЬЯНА. Тебе... очень нравится Лена?

ПЕТР. Н-ничего... она славная... веселая...

АКУЛИНА ИВАНОВНА. Вертушка она! Зряшная ее жизнь! Каждый божий день гости у нее, чаи да сахары... пляс да песня... а вот умывальника купить себе не может! Из таза умывается да на пол воду хлещет... дом-то гноит...

ТАТЬЯНА. А я вчера была в клубе... на семейном вечере. Член городской управы Сомов, попечитель моей школы, едва кивнул мне головой... да. А когда в зал вошла содержанка судьи Романова, он бросился к ней, поклонился, как губернаторше, и поцеловал руку...

АКУЛИНА ИВАНОВНА. Экой бесстыдник, а? Где бы взять честную девушку под ручку да уважить ее, поводить ее по зале-то вальжненько, на людях-то...

ТАТЬЯНА (*брату*). Нет, ты подумай! Учительница, в глазах этих людей, заслуживает меньше внимания, чем распутная, раскрашенная женщина...

ПЕТР. Не стоит замечать таких... пошлостей... Нужно стать себя выше... А она хоть и распутная, но не красится...

АКУЛИНА ИВАНОВНА. Ты почему знаешь? Лизал ей щеки-то? Сестру обидели, а он за обидчицу заступается...

ПЕТР. Мамаша! Будет вам...

ТАТЬЯНА. Нет, при матери совершенно нельзя говорить... (*За дверью в сени слышны тяжелые шаги.*)

АКУЛИНА ИВАНОВНА. Ну-ну! Окрысились... Ты бы, Петр, чем шаги-то вышагивать, самовар втащил... а то Степанида жалуется — тяжело, дескать...

СТЕПАНИДА (*вносит самовар, ставит его на пол около стола и, выпрямившись, задыхаясь, говорит хозяйке*). Ну, и как вам будет угодно, а только опять говорю — сил моих нет лешего этакое таскать, — ноженьки подламываются...

АКУЛИНА ИВАНОВНА. Что же — особого человека нанять прикажешь?

СТЕПАНИДА. Как хотите! Пускай певчий носит — что ему? Петр Васильич, поставь на стол самовар, ей-ей, мочи нет!

ПЕТР. Ну, давай... эх!

СТЕПАНИДА. Спасибо. (*Уходит.*)

АКУЛИНА ИВАНОВНА. В самом деле, Петя, скажи-ка ты певчему-то, пусть бы он самовар-от подавал? Право...

ТАТЬЯНА (*тоскливо вздыхает*). О боже мой...

ПЕТР. А не сказать ли ему, чтоб он воду носил, полы мыл, трубы чистил и, кстати уж, белье стирал?

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*с досадой отмахивается от него рукой*). Что зря говоришь? Все это своим порядком и без него делают... А самовар внести...

ПЕТР. Мамаша! Каждый вечер вы поднимаете сей роковой вопрос — вопрос о том, кому носить самовар. И поверьте, что вопрос этот пребудет неразрешенным до поры, пока вы не наймете дворника...

АКУЛИНА ИВАНОВНА. На кой шут он нужен, дворник? Отец сам двор убирает...

ПЕТР. И это называется — скряжничеством. А скряжничать нехорошо, имея в банке...

АКУЛИНА ИВАНОВНА. Ш-ш! Нишкни! Отец услышит — он те задаст банк! Ты в банк-то деньги вложил?

ПЕТР. Послушайте!

ТАТЬЯНА (*вскакивая*). Петр, да оставь хоть ты... ведь терпения не хватает...

ПЕТР (*подходя к ней*). Ну, не кричи! Незаметно для себя втягиваешься в эти споры...

АКУЛИНА ИВАНОВНА. Застонали! Слова сказать матери-то нельзя...

ПЕТР. Изо дня в день — одно и то же... На душу от этих прений садится какая-то копоть, ржавчина...

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*кричит в дверь своей комнаты*). Отец! Иди чай пить...

ПЕТР. Когда истечет срок моего отлучения от университета, я уеду в Москву и, как прежде, буду приезжать сюда на неделю, не больше. За три года университетской жизни я отвык от дома... от всего этого крохоборства и мещанской суеты... Хорошо жить одному, вне прелестей родного крова!..

ТАТЬЯНА. А мне вот некуда ехать...

ПЕТР. Я говорю тебе — поезжай на курсы...

ТАТЬЯНА. Ах, зачем мне курсы? Я жить, жить я хочу, а не учиться... пойми!

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*снимая чайник с самовара, обожгла руку и вскрикивает*). Ах, пострели те горой!

ТАТЬЯНА (*брату*). И я не знаю, не представляю — что значит жить? Как я могла бы жить?

ПЕТР (*задумчиво*). Н-да, жить надо умеючи... осторожно...

БЕССЕМЕНОВ (*выходит из своей комнаты и, оглядев детей, садится за стол*). Нахлебников звали?

АКУЛИНА ИВАНОВНА. Петя! Позови-ко...

(*Петр уходит. Татьяна идет к столу.*)

БЕССЕМЕНОВ. Опять пиленого сахару купили? Сколько раз я говорил...

ТАТЬЯНА. Ну, не все ли равно, папаша?

БЕССЕМЕНОВ. Я говорю не тебе, а матери. Тебе, я знаю, все равно...

АКУЛИНА ИВАНОВНА. Всего фунт купила я, отец. Целая голова есть, только не успели расколоть... не сердись!

БЕССЕМЕНОВ. Я не сержусь... Я говорю — пиленый сахар тяжел и не сладок, стало быть, невыгоден. Сахар всегда нужно покупать головой... и колоть самим. От этого будут крошки, а крошки в кушанье идут. И сахар самый, он легкий, сладкий... (*Дочери.*) Ты чего морщишься да вздыхаешь?

ТАТЬЯНА. Ничего, ничего... так...

БЕССЕМЕНОВ. А коли ничего, так незачем и вздыхать. Неужто отцовы слова так тяжело слушать? Не для себя ради, а для вас же, молодых, говорим. Мы свое прожили, вам — жить. А когда глядишь на вас, то не понимаешь — как, собственно, вы жить думаете? К чему у вас намерения? Наш порядок вам не нравится, это мы видим, чувствуем... а какой свой порядок вы придумали? Вот он, вопрос. Н-да...

ТАТЬЯНА. Папаша! Подумайте, который раз говорите вы мне это?

БЕССЕМЕНОВ. И еще, и без конца, до гроба говорить буду! Ибо — обеспокоен я в моей жизни. Вами обеспокоен... Зря, не подумавши хорошо, пустил я вас в образование... Вот — Петра выгнали, ты — в девках сидишь...

ТАТЬЯНА. Я работаю... я...

БЕССЕМЕНОВ. Слыхал. А кому польза от этой работы? Двадцать пять рублей твои — никому не надобны, и тебе самой. Выходи замуж, живи законным порядком, — я сам тебе пятьдесят в месяц платить буду.

АКУЛИНА ИВАНОВНА (*все время разговора отца с дочерью беспокойно вертится на стуле, несколько раз пытается что-то сказать и, наконец, ласково спрашивает*). Отец! Ватрушечки... не хочешь ли? От обеда остались... а?

БЕССЕМЕНОВ (*оборачиваясь к ней, смотрит на нее сначала сердито и потом, улыбаясь в бороду, говорит*). Ну, тащи ватрушки... тащи... Эхе-хе! (*Акулина Ивановна бросается к шкафу, а Бессеменов говорит дочери.*) Видишь, мать-то, как утка от собаки птенцов своих, вас от меня защищает... Все дрожит, все боится, как бы я словом-то не ушиб вас... Ба, птичник! Явился, пропащий!

ПЕРЧИХИН (*является в дверях, за ним молча входит Поля*). Мир сему дому, хозяину седому, хозяйке-красотке, чадам их любезным — во веки веков!

БЕССЕМЕНОВ. У тебя опять разрешение вина?

ПЕРЧИХИН. С горя!

БЕССЕМЕНОВ. С какого это?

ПЕРЧИХИН (*рассказывает, здороваясь*). Зяблика продал сегодня... Три года держал птицу, тирольской трелью пела, — продал! Почувствовал себя за этот поступок низким человеком и — растрогался. Жаль птицу, привык... любил...

(*Поля, улыбаясь, кивает отцу головой.*)

БЕССЕМЕНОВ. А зачем продавал, коли так?

ПЕРЧИХИН (*придерживаясь за спинки стульев, ходит вокруг стола*). Цену хорошую дали...

АКУЛИНА ИВАНОВНА. А что тебе деньги? Все равно зря промотаешь...

ПЕРЧИХИН (*усаживаясь*). Верно, мать! Деньги мне не к рукам... верно!

БЕССЕМЕНОВ. Значит, опять-таки не было резона продавать...

ПЕРЧИХИН. Был резон. Слепнуть стала птица... стало быть, скоро помрет...

БЕССЕМЕНОВ (*усмехаясь*). Ты, однако, не совсем дурак...

ПЕРЧИХИН. Рази я это от ума поступил? Это от низости натуры моей...

(*ПЕТР и ТЕТЕРЕВ входят.*)

ТАТЬЯНА. А Нил где?

ПЕТР. Ушел с Шишкиным на репетицию.

БЕССЕМЕНОВ. Где это они играть хотят?

ПЕТР. В манеже. Спектакль для солдат.

ПЕРЧИХИН (*Тетереву*). Божьей дудке — почтение! Синиц ловить идем, дядя?

ТЕТЕРЕВ. Можно. А когда?

ПЕРЧИХИН. Хоть завтра.

ТЕТЕРЕВ. Не могу. Покойник есть...

ПЕРЧИХИН. До обедни?